

DOI 10.15826/qr.2017.3.244

УДК 94(47+57)"19"+316.334.3:321+316.323.73

**«ЭЙ, ГУБЕРНИИ, СНИМАЙТЕСЬ С ЯКОРЕЙ!¹»:
ИДЕЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ
В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ²**

Олег Горбачев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**‘HEY, GUBERNIYAS, RAISE YOUR ANCHORS!’:³
LAND DEVELOPMENT
IN BOLSHEVIK MYTHOLOGY***

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article focuses on the role that land development played in the views and projects of Vladimir Lenin and his supporters and analyses how these ideal concepts were affected by real-life challenges, that is, how the exalted romantic vision of the early post-revolutionary period was later replaced by a more pragmatic neo-imperialist approach. Throughout the early Soviet period (until the early 1930s), there were three main mythologemes which determined the Bolsheviks' attitude to the territory they had come to possess: the “World Revolution”, “self-determination of nations”, and the “Communist society”. The Bolsheviks believed that the first two concepts corresponded mostly to tactics while the last one was concerned with strategy. After

¹ Владимир Маяковский, «150 000 000».

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

³ Vladimir Mayakovsky, ‘150,000,000’.

* *Citation:* Gorbachev, O. (2017). ‘Hey, Guberniyas, Raise your Anchors!’: Land Development in Bolshevik Mythology. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 675–692. DOI 10.15826/qr.2017.3.244.

Цитирование: Gorbachev O. ‘Hey, Guberniyas, Raise your Anchors!’: Land Development in Bolshevik Mythology // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 675–692. DOI 10.15826/qr.2017.3.244 / Горбачев О. «Эй, губернии, снимайтесь с якорей!»: идея территориального освоения в большевистской мифологии // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 675–692. DOI 10.15826/qr.2017.3.244.

the Bolsheviks' plans for a world revolution were ruined, they concentrated on a transition from tactical to strategic principles applied to developing the land of the former Russian Empire wherein, until 1923, the nation-building project had played a key role in the way the Bolsheviks had chosen to develop their land. As in the case of the "World Revolution" ideologeme, the "self-determination of nations" gradually transformed from a practical issue into one of propagandist clichés when the Bolsheviks realised that it was impossible to fully achieve the proclaimed ideological goals. Aiming to build a Communist society in Russia, the Bolshevik government prioritised industrialisation and urbanisation, following Marx's views and some nineteenth-century utopian theories. Both of the two approaches to zoning – economic and national – were well grounded ideologically but in the end it was the third, administrative approach which prevailed. Interestingly enough, it was not so much socialist but imperial in its nature. Before the mid-1920s, all ideological doctrines related to land development had been revised and readjusted. The Bolsheviks did not completely reject their old ideal concepts but instead adjusted and used them for propagandist purposes to exert more direct, Stalinist-type control.

Keywords: early Soviet society; territorial development; Soviet ideology; social engineering.

Цель исследования – уточнить, какое место занимала задача освоения российской территории в представлениях Ленина и его сторонников, как идеальные конструкции видоизменялись под влиянием требований реальности, когда возобладала прагматика неоимперского толка. Этот вопрос рассматривается в контексте трех основных мифологем: «мировая революция», «самоопределение наций» и «коммунистическое общество». Показано, что в течение 1920-х гг. наблюдается переход от тактических принципов освоения территории бывшей Российской империи к стратегическим, при этом до 1923 г. основным следует считать фактор национального строительства. Как и в случае с идеологией «мировой революции», по мере осознания невозможности реализовать в полной мере идеологические цели тезис самоопределения наций становился все более ритуальным. Для идеи построения коммунистического общества наиболее актуальными были сформулированные Марксом задачи индустриализации и урбанизации. В результате борьбы экономического и национального подходов к районированию утвердился третий, имперский по сути, административный подход. До середины 1920-х гг. были переосмыслены практически все идеологические доктрины, имевшие отношение к освоению территории. Прежние идеальные представления большевиков не отбрасывались полностью, а уточнялись, выполняя задачу пропагандистского обеспечения сталинского режима.

Ключевые слова: раннесоветское общество; территориальное освоение; советская идеология; социальное проектирование.

Как показывает историческая практика, власть позиционирует себя по отношению к пространству, на котором рассредоточено российское население. Территория во многом определяет взаимоотношения человека с властью имущими, а также черты национальной картины мира (про «ушибленность ширью» русской души писал Н. Бердяев [Бердяев, с. 63]).

Овладение территорией, контроль над ней, защита и приспособление для своих нужд – амбициозные и необходимые задачи для любой российской власти, во многом определяющие общий политический успех. Особенность большевистского подхода к освоению пространства состояла в том, что, будучи носителями программы строительства нового общества, они были наследниками империи и во многом оказались вынуждены следовать логике имперского управления.

Целью автора является выяснение того, как под давлением обстоятельств менялись взгляды большевистского руководства на освоение российской территории и революционный идеализм постепенно вытеснялся неоимперской прагматикой. Было ли зерно рациональности в революционном идеализме, и насколько далеко большевики ушли от своих прежних теоретических представлений?

Все эти вопросы соотносятся с задачей изучения исторического пространства, в рамках которого «исследователь концентрируется на том, что люди думали о своем и чужом пространстве, как они концептуализировали те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли» [Савельева, Полетаев, с. 444].

В течение раннесоветского периода (до начала 1930-х гг.) действовали три основные мифологемы⁴, определявшие отношение большевиков к доставшейся им территории: *мировая революция*, *самоопределение наций* и *коммунистическое общество*. Первые две имели скорее тактический смысл, последняя – стратегический. Каждая из мифологем в отдельности породила обширную историографию, тяготеющую к политике, экономике либо географии (см., например: [Байбаков; Волобуев; Красовицкая; Леонов; Маккензи; Чеботарева; Шишкин, 1997]). Вместе с тем интегральный взгляд на *идею пространства* в советской идеологии дает материал для переосмысления известных представлений подобно тому, как это случилось с анализом категории времени [Hanson]. При этом если понятие времени органично связано с утопическим сознанием в целом и с советской социалистически-коммунистической утопией в част-

⁴ Понятие «мифологема» в контексте настоящей статьи опирается на суждение о мифе как некоей сумме представлений людей о мире, месте человека в нем. Важно, что миф не обязательно антинаучен. По выражению А. Ф. Лосева, «когда наука разрушает “миф”, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией [Лосев, с. 33]. При характеристике большевистской идеологии также следует помнить, что миф обычно претендует на сакральность [Элиаде, с. 11].

ности [Мангейм, с. 156]⁵, то необходимость анализа идеи пространства вытекает из специфики России, на просторах которой был предпринят коммунистический эксперимент.

Представления Ленина и его соратников о роли территории в будущем коммунистическом обществе базировались на утопическом наследии XIX в., марксистских взглядах на будущее государства и наций, на достижениях экономической, географической и этнографической науки и в определенной степени на реальной ситуации в современной большевикам России.

Территория и идея «мировой революции»

Идея мировой революции была одной из важнейших для большевиков сразу же после прихода к власти и в несколько последующих лет⁶. «Точкой поворота» часто называют Рижский мир 1921 г. Так, по мнению Стивена Сигела, этот договор «заставил большевиков пересмотреть свои интернационалистские цели и смириться с восточной границей Польши как ограничителем советских претензий на Западе» [Seegel, p. 264]. Следует, правда, помнить, что еще в 1918 г. Ленин, не слишком полагаясь на скорый «мировой пожар», писал, что поскольку «наступление социалистической революции на Западе замедлилось и запоздало... нам приходится заимствовать у передовых стран не помощь социалистической организации и поддержку рабочих, а помощь тамошней буржуазии и капиталистической интеллигенции» [Ленин, т. 36, с. 138–139]. Первый серьезный пересмотр Лениным идеи мировой революции имел место на этапе подписания Брестского мира⁷ [Нежинский, с. 32]. С. Сигел прав в том, что разочарование после неудачной войны с Польшей способствовало переориентации территориальных приоритетов большевиков: «в 1922 г., через год после подписания Рижского договора, был составлен план разделения советской территории на 21 регион» [Seegel, p. 265].

Уход от «мировой революции» как программы конкретных действий видится как поворот от утопии к прагматике. Идея действительно оказалась утопичной с точки зрения оценки революционного потенциала пролетариата западных стран. Но сейчас вызывает вопросы само наличие утопии: некоторые исследователи полагают, что с позиции геополитики концепция мировой революции была преемственна прежним целям России. По мнению С. Сигела, большевики «были марксистами и “антиимпериалистами”, но преследовали геополитические цели, заявленные русскими царями

⁵ О природе коммунистической утопии см.: [Kotkin, p. 7–9].

⁶ Подробнее об идеологическом обосновании «мировой революции» см.: [Нежинский, с. 13]. Качество этой идеи оценивается автором крайне невысоко.

⁷ Ряд авторов утверждает, что идея мировой революции в идеологии большевиков присутствовала и позже, и советское руководство лишь отказалось от чисто военных способов ее реализации. См., например: [Нежинский; Сироткин; Шишкин, 2002].

в XVIII–XIX вв., скрывая их под лозунгом “мировой революции”» [Seegel, p. 266]. Эту мысль разделяет и В. А. Шишкин, утверждая, что «послереволюционная внешняя политика в значительной степени отражала стремление к осуществлению традиционных интересов дореволюционной России» [Шишкин, 2002, с. 334]. Скорее всего, это попытка распространить оценки сталинской внешней политики на раннесоветский период в традициях «тоталитарной» историографической школы. После захвата власти большевики не верили в возможность ее сохранения без победы мировой революции, что плохо вписывается в геополитические схемы.

Разочаровавшись в перспективе скорой мировой революции, Ленин переключился на работу внутри страны, что проявилось в изменении содержания революционной риторики: «главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... Решим мы эту задачу – и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» [Ленин, т. 43, с. 341]. Очевидно, что с этого момента идея мировой революции постепенно ритуализировалась, сохраняя практическую значимость лишь в деятельности Коминтерна.

Территория и «самоопределение наций»

Идеологическое обеспечение того, что в большевистской практике именовалось «хозяйственным освоением территории», было возложено на концепты «самоопределение наций» и «коммунистическое общество».

Лозунг «самоопределения наций», использовавшийся сторонниками Ленина на этапе завоевания власти, имел теоретическую марксистскую основу и практическое тактическое содержание. Идеологема «самоопределения наций» стала одним из важнейших оснований нового государства, определив его существенные черты. Национальный фактор следует считать одним из основных в советском освоении территории бывшей Российской империи.

Одно из первых указаний на необходимость национального самоопределения содержится в письме К. Маркса Ф. Энгельсу от 30 ноября 1867 г. [Маркс, Энгельс, т. 31, с. 338]. Маркс считал нацию чисто буржуазным явлением, которое исчезнет в обществе будущего, поскольку для пролетариата национальные различия уже не важны [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 61]. По настоянию Ленина в 1903 г. тезис о праве наций на самоопределение был включен в Программу РСДРП(б) [Ленин, т. 7, с. 104]. Вслед за Марксом Ленин был убежден в неминуемом исчезновении наций. Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, и неизбежного слияния наций оно может достичь лишь через переходный период полного

освобождения всех угнетенных наций, то есть их свободы отделения [Ленин, т. 27, с. 256].

Национальный вопрос заботил не только большевиков. В годы Первой мировой войны обозначился кризис колониальных империй. Ввиду неизбежного будущего поражения Германии и Австро-Венгрии встал вопрос о будущем разграничении в Европе. Картографированием приграничных территорий озаботились специалисты из разных стран (подробнее см.: [Seegel, p. 242–266]). Россия не стала исключением, и при Временном правительстве была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) при Российской академии наук под руководством С. Ф. Ольденбурга [Соколовский; Seegel, p. 259–263; Slezkine, p. 427]. Начав с приграничного национального разграничения, впоследствии комиссия распространила свою деятельность вглубь страны. Трудность, которая при этом возникла, касалась содержания понятия «национальность». Комиссия Ольденбурга предлагала придерживаться принципа языка и религии, но он не использовался в азиатской части страны. Там при определении национальности та же комиссия предлагала руководствоваться физическим типом. Как иронически замечает Ф. Хирш, это происходило от того, что никто из членов комиссии не владел языками азиатских народов [Hirsch, 2007, p. 143].

Различия в подходах во многом определялись и состоянием этнографической науки в России. Проблема национальной унификации в России возникла незадолго до проведения Всероссийской переписи населения 1897 г. Для определения национальности основным в переписи был вопрос о родном языке, но впоследствии при анализе ее результатов использовались также сведения о вероисповедании, сословной принадлежности и др. [Hirsch, 2007, p. 142, 143]. Неудивительно, что примерно тех же подходов поначалу придерживались большевики, хотя их определение национальности на раннем этапе идентифицировать непросто. «По иронии судьбы, – пишет Ф. Хирш, – те самые большевистские лидеры, которые создавали теоретические работы о национальном вопросе накануне 1917 г., не были уверены, как определить понятие “национальность” в новом политическом контексте» [Hirsch, 2007, p. 144].

Попытки утверждения большевиками нового содержания национальности были связаны с необходимостью классового подхода к этому понятию. В работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) И. В. Сталин полемизировал с австрийскими теоретиками Р. Шпрингером и О. Бауэром. Его не устраивала идея Шпрингера о том, что нация «не связана с землей», равно как и трактовка Бауэра, гласившая, что «нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности, судьбы». Для нации Сталин полагал необходимыми «общность *территории*, языка и экономической жизни» [Сталин, с. 298–299] (курсив мой. – О. Г.). Только такой подход позволил большевистскому автору рассматривать националь-

ность в конкретно-историческом контексте и увязать национальную борьбу, порожденную буржуазным обществом, с борьбой классово-й.

В сталинском подходе обращает на себя внимание отсутствие разграничения между понятиями «нация» и «национальность». По всей видимости, это следовало из невнимания к идее национального государства, находящейся в тени концепта «мировой революции». Характерно, что четкое осознание различий между этими терминами отсутствовало у большевиков даже в середине 1920-х гг., на что обращает внимание Юрий Слезкин: «никто не был озабочен различиями между нациями и национальностями, включая самого Сталина» [Slezkine, p. 433].

Включение территории в национальный дискурс в первые десятилетия XX в. стало следствием воздействия *идеологического фактора* у русских марксистов и *геополитического* – у политиков, представлявших воюющие государства. На этапе строительства советского государства приобретут также значимость колониационный и экономический факторы.

Сохранение значимости национальных различий в глазах народов бывшей Российской империи большевики объясняли, во-первых, имперским наследием, породившим противоречия между угнетающей и угнетаемыми национальностями, и, во-вторых, социально-экономической и культурной отсталостью некоторых народов. С этими проблемами должна была справиться деколонизация по-советски. Во главу угла ставились не столько национальные приоритеты, сколько стремление сохранить территориальную целостность бывшей Российской империи [Мартин, с. 10]⁸. До 1923 г. именно фактор национального строительства следует считать главным в большевистском освоении территории. Внимание к «малым» народам за счет «большого» Терри Мартин считает одним из важнейших направлений политики «империи положительной деятельности». Большевики прилагали максимум усилий для того, чтобы закрепить за каждой национальностью, народом, национальной группой конкретную территорию. Таким образом гарантировались условия для развития национальных культур с тем, чтобы они исчерпали себя полностью и чтобы возникли условия для формирования интернациональной социалистической культуры [Мартин, с. 16].

В наибольшей степени этой деятельностью оказались охвачены национальные окраины, тогда как Российская Федерация («центр коммунальной квартиры»), как образно выражается Ю. Слезкин по-прежнему представляла собой аморфное и нечетко разделенное пространство [Slezkine, p. 434].

Помимо того, что идеологически детерминированная нарезка территории бывшей Российской империи по национальному принципу объективно способствовала обострению межнациональных проти-

⁸ «Важно помнить, – замечает Ф. Хирш, – что советский режим был заинтересован в «создании наций» не для блага этих наций» [Hirsch, 2000, p. 209].

воречий⁹, она плохо соотносилась с принципами экономического районирования. Это привело к возникновению в 1921 г. известной дискуссии между Наркоматом по делам национальностей (Наркомнац) и Государственной плановой комиссией (Госпланом) [Hirsch, 2007, p. 146]. Деятельность Наркомнаца опиралась на идеологические конструкты «марксизм», «модернизация» и «колониализм» [Мартин, с. 19]. Умозрительная теория модернизации в национальных границах с целью ликвидации отсталости в ряде случаев противоречила реальным закономерностям экономического развития территории, которые отстаивал Госплан и которые были отражены в работах по экономическому районированию, опубликованных еще во второй половине XIX в. (об этих проектах см.: [Неизвестные и малоизвестные страницы; Tagirova]). В этой ситуации ни одно из ведомств не могло одержать окончательной победы: идеологические представления о судьбе национальностей содержали в себе стратегическое видение будущего, в то время как на стороне экономистов из Госплана была логика здравого смысла, необходимая для решения текущих задач.

В итоге произошла неизбежная демаркация интересов. С июня 1923 г. прекратилось публичное обсуждение национального вопроса. В резолюциях XII съезда ВКП(б) главным завоеванием в этой сфере объявлялся только что созданный Союз Республик и заявлялось, что советское государство будет максимально поддерживать те формы национального устройства, которые не противоречат его целям [Двенадцатый съезд РКП(б), с. 695–696]. По мнению Т. Мартина, это означало, что поддержка будет оказана четырем формам существования наций – территории, языку, элитам и культуре [Мартин, с. 22]. Даже несмотря на эти ограничения, советская национальная политика способствовала формированию качественно новой модели взаимоотношений государства с входящими в него народами, на что обращают внимание и Слезкин, и Мартин.

Как и в случае с идеологемой «мировой революции», по мере осознания невозможности полностью реализовать заявленные идеологические цели тезис самоопределения наций постепенно перетекал из практической плоскости в пропагандистскую. Уже в 1920-е гг. национальный вопрос использовался в качестве рычага прямого административного регулирования. С его помощью обосновывались разные, подчас противоположные решения властей¹⁰. В сталинские годы национальный вопрос все более подчинялся административной практике. В плане территориальном это привело к значительному уменьшению количества национальных образований (по выражению Ю. Слезкина, комнат в коммунальной квартире существенно поубавилось [Slezkine, p. 446]).

⁹ Появление большого количества национальных территорий имело следствием многократное воспроизведение проблемы национальных меньшинств [Мартин, с. 48].

¹⁰ Ф. Хирш подробно рассказывает, как осуществлялось это регулирование в случаях с Белоруссией, Украиной и Хакассией [Hirsch, 2000, p. 210–212].

Задача унификации управления требовала того, чтобы каждая этническая группа имела собственную национальную территорию. Именно обладание территорией делало национальность «полноценной». С другой стороны, индивидуальная национальная идентичность стала все больше зависеть от места проживания [Slezkine, p. 444]. Сталинская практика выселения репрессированных народов имела целью лишение людей их территории, а следовательно, национальной идентичности. Идея национальной экстерриториальности, еще заметная в дискуссиях начала 1920-х гг., окончательно проиграла «территориальности». В целом же в национальной сфере, как и в других, имела место эрозия теоретических положений эпохи раннего большевизма, их догматизация для оправдания текущих политических целей.

Территория и идея коммунистического общества

В «Манифесте коммунистической партии» К. Марксом выделены следующие черты будущего коммунистического строя, имеющие отношение к территориальной организации общества:

«1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

<...>

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

<...>

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней [Маркс, Энгельс, т. 4, с. 446–447].

Исходя из этой программы, большевики должны были озаботиться огосударствлением всех сфер жизни страны, развитием промышленности и городской среды. История советского общества показывает, что каждый из пунктов действительно активно претворяли в жизнь. Наиболее актуальными для России, где доминировало аграрное производство, были задачи индустриализации и урбанизации. При этом, исходя из сути марксизма, экономические приоритеты являлись определяющими.

Утопическое революционное сознание подпитывалось и другими идеями¹¹. Для проектирования коммунистической системы расселения было необходимо сделать выбор между географически радикальной, но социально консервативной идеей сельских коммун Ш. Фурье

¹¹ О структуре утопического сознания см.: [Барт; Ласки; Черткова]. По мнению Р. Стайтса, утопия опирается на литературу, политическую мысль, религиозные представления и практику, революционный идеализм, мистические видения, легенды и народную мудрость [Stites, p. 141].

и Н. Г. Чернышевского и урбанистическими представлениями сторонников «города-сада», популярными в среде германских социал-демократов [Stites, p. 147]. «Сельские» утопии были отвергнуты как противоречащие большевистскому индустриализму. В 1920-е гг. их отголоски еще присутствовали в идейных спорах урбанистов и дезурбанистов¹², но к началу 1930-х гг. дезурбанистические взгляды стали квалифицироваться как откровенно враждебные советскому строю и получили ярлык «социально-фашистских» [Stites, p. 149].

Урбанистические вариации на тему города-сада выглядели более перспективно. Первый русский перевод книги Э. Говарда «Города-сады» был опубликован еще в 1911 г. [Глазычев, с. 187]. Большевистский подход к реализации этой идеи предполагал создание большого количества городов с населением 50–60 тыс. чел. [Сабсович, с. 22–31]. В основе концепции лежали марксистские представления о скорейшем развитии транспортной системы и неминувом стирании различий между городом и деревней. Как известно, городское развитие СССР в конце концов пошло по пути дальнейшего роста крупных городов: идеальные представления о возможностях развития транспорта оказались преувеличенными.

Нечто похожее приключилось и с популярной после революции идеей городских домов-коммун. Нежизнеспособность проекта дома-фаланстера в духе Чернышевского была признана еще в годы «военного коммунизма», когда совершился переход «от коммуны к коммуналке» [Лебина, Чистиков, с. 22], а в тех домах-коммунах, которые возводились в 1920-е гг., уже существовал прообраз отдельного семейного жилища в виде «домов для элиты» [Лебина, с. 81; Пискунова, Старостова]. Причины неудачи проекта выразительно сформулировал Р. Стайтс: «идея домов-коммун разбилась об океанскую волну миграции из села в город» [Stites, p. 148].

Существенно более успешными оказались усилия большевиков, связанные с промышленной модернизацией территории. Первой попыткой такого рода принято считать план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО, 1920). Хотя электрификация квалифицируется как утопия пространства [Stites, p. 142], утопичность в этом случае неочевидна. Главным образом она базируется на мнении Г. Уэллса, назвавшего Ленина «кремлевским мечтателем» [Уэллс]. Если исходить из утверждения, что «утопией следует считать представления, осуществление которых невозможно с точки зрения сторонников существующего социального порядка» [Мангейм, с. 117], то электрификация была утопией для Уэллса и реальностью для Ленина. Что позволяло последнему так думать?

Как и в случае с идеей «города-сада», истоки плана ГОЭЛРО усматриваются в работах германских социал-демократов [Гвоздецкий, с. 108]. Но план электрификации имел гораздо более прочные

¹² Подробно изложение дискуссии о социалистическом расселении см.: [Хазанова, с. 43–158].

основания в российской действительности. Первые электростанции заработали в России еще накануне Первой мировой войны, а большинство специалистов-электротехников продолжили свою работу в России после прихода большевиков к власти [Там же, с. 104–106]. Реалистичности плану добавляло то, что еще до его принятия в 1918 г. было начато строительство Каширской, Волховской и Шатурской электростанций [Развитие электроэнергетики России].

На первом этапе реализация плана ГОЭЛРО встретила сопротивление, поскольку проводилась в контексте начатой еще в имперское время политики централизованной индустриализации. Эта политика не соответствовала «идеологически правильной» идее децентрализованного социалистического промышленного развития [Coopersmith, p. 15], «утопический» план ГОЭЛРО парадоксально противостоял утопии Маркса. Он выглядел утопичным в силу масштаба предполагаемых преобразований, но отнюдь не из-за стремления Ленина слепо следовать предначертанной Марксом схеме.

Политика НЭПа несколько «смазала» первоначальные идеи плана, но в итоге не помешала его реализации [Coopersmith, p. 15; Карр, с. 690–692]. Таким образом, в целом план ГОЭЛРО можно считать первым успешным опытом советского промышленного освоения территории, непосредственно предшествовавшего достижениям первых пятилеток. Он существенно (хотя и не везде оптимально) повлиял на экономико-административную организацию советского пространства [Соловьева]. Успех проекта предопределило не столько его идеологическое обеспечение, сколько опыт, накопленный в энергетической сфере к началу 1920-х гг., а также гибкое реагирование на требования текущего момента.

План ГОЭЛРО оказался тесно связан с идеей районирования, хотя она приобрела актуальность далеко не сразу: «В военное время поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные хозяйственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом» [Кржижановский, с. 11]¹³.

Новая терминология («административно-хозяйственное районирование») отразила неприятие прежнего губернского-уездного принципа организации территории. Как отмечалось в 1925 г., «термин „административное деление“ дышит архаизмом, он устарел и может быть применяем лишь к положению в дореволюционное время, когда государство разделялось на административные единицы для удобства управления территорией в фискальных и полицейских целях» [Егоров, с. 10]. Отныне управление в основе своей должно было стать экономическим, поскольку «нет административных вопросов, которые не имели бы глубокой экономической основы» [Там же].

¹³ Характерно, что Г. М. Кржижановский умалчивает об идеологических причинах прежнего невнимания к идее районирования.

В этой оценке теоретические марксистские представления соединялись с приоритетами специалистов Госплана при кажущемся игнорировании национального фактора. После выведения национального вопроса из сферы открытых дискуссий в 1923 г. смутное указание на него экономистов можно увидеть лишь в идее «хозяйственно-культурного строительства», где экономика поставлена на первое место [Там же].

«Рациональность» экономического подхода имела очевидный идеологический подтекст: исчезновение мелких городов интерпретируется как «естественный процесс падения... бывших дворянских, помещичьих, чиновничьих, мещанских гнезд; с другой стороны, должны будут укрепляться другие пункты, являющиеся производственными пролетарскими центрами» [Егоров, с. 14–15]. По-своему логично, если не учитывать, что именно такие по размеру города претендовали, по Сабсовичу, на роль «городов-садов».

Если в районировании конца XIX – начала XX в. экономический и административный принципы организации территории конкурировали между собой [Tagirova, p. 136], то в первые годы советской власти пространство мыслилось в первую очередь как производственное. Стремление большевиков уйти от прежнего административного деления приводило к неразберихе. «Территориально СНХ (то есть местный Совет народного хозяйства. – О. Г.) не совпадает с уездом, благодаря чему уездным отделам легче быть оторванными от СНХ, легче быть бесконтрольными... В самом Совете народного хозяйства территориальные деления производятся не одинаково, не по одной линии... Например, если у крестьянина украли корову, он идет в один город, а если у него запахали полосу, то он принужден идти в другой город» [Егоров, с. 16].

Уже в феврале 1920 г. после создания административной комиссии ВЦИК стало ясно, что в борьбе между органами административного (Советы) и хозяйственного (СНХ) управления побеждают первые. Именно на них в итоге были возложены экономические функции. Само же районирование проводилось на экономико-идеологической основе: «Основным ядром новых районов должны быть пролетарские центры; окружающая их территория должна обеспечивать нормальное развитие главнейших отраслей промышленности данного района» [Там же, с. 20]. При этом власти исходили из того, что быстро уйти от прежнего административно-территориального деления не удастся: «Как общее правило пока сохраняется существующее четырехчленное административное деление: губерния, уезд, волость, сельское общество» [Там же, с. 20–21]. В полном объеме районирование на новых принципах предполагалось проводить лишь на малонаселенных окраинах. Фактически уже в начале 1920-х гг. на всех уровнях власть перешла к органам местного управления в лице местных Советов. Характерно, что Советы, созданные на экономической основе, в конечном счете оказа-

лись сильнее национальных Советов, поскольку, в отличие от них, работали на идею укрепления центральной власти¹⁴.

По мнению Ф. Хирш, уже к концу 1924 г. административный принцип, наряду с национальным и экономическим, стал важным фактором определения внутренних административных границ [Hirsch, 2000, p. 211]. В 1930-е гг. практика прямого административного регулирования стала определяющей, а прежние теоретические обоснования окончательно перешли в разряд идеологического прикрытия волевых управленческих решений. Идеальная модель экономического районирования вместо прежней схемы имперского управления оказалась нереализуемой. В борьбе экономического и национального подходов к районированию, каждый из которых был серьезно идеологически обоснован, победил третий, административный подход, не столько социалистический, сколько имперский по своей сути.

* * *

Крах идеи неизбежности мировой революции привел большевиков к необходимости укрепления государства. В этих условиях цель овладения пространством становилась все более значимой. Происходило своего рода идеологическое отрезвление, были переосмыслены концепции, имевшие отношение к освоению территории:

- «дома-коммуны» – 1918 г.;
- районирование на исключительно экономических принципах – 1920 г.;
- «мировая революция» – 1921 г.;
- «право наций на самоопределение» – 1923 г.;
- «город-сад» – начало 1930-х гг.

Для того чтобы удержать власть, большевикам пришлось заменить утопическую социальную инженерию практической¹⁵. Единственное исключение – успешный план электрификации. При детальном рассмотрении обнаруживается, что в нем гораздо больше нэповского, чем идеально-марксистского, и он гораздо менее утопичен, чем кажется, ввиду прочной опоры на имевшиеся в распоряжении государства ресурсы. Характерно, что план ГОЭЛРО принимался на этапе расставания с прежними утопическими представлениями. Существенно и то, что прежние идеальные представления большевиков не отбрасывались, а уточнялись, сохраняя свою значимость в пропагандистском обеспечении советского режима.

Каждый из рассмотренных аспектов темы нуждается в дополнительной детализации во избежание схематического восприятия. В заявленном контексте требуют развития понятия «мифологе-

¹⁴ Было признано, что «республики единого Союза не могут основывать свои решения исключительно на национальном принципе» [Hirsch, 2000, p. 211].

¹⁵ По терминологии Карла Поппера [Поппер, с. 75–82].

ма», «утопия», «идеология» и др. Пока за пределами рассмотрения оказался важный концепт «граница». Последующий анализ позволит соотнести идеальные представления преобразователей с имевшейся традицией государственного строительства, сформулировать закономерности их эволюции под давлением реальных обстоятельств, предложенных эпохой.

Список литературы

- Байбаков С. А.* История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М. : Диалог-МГУ, 1997. 428 с.
- Бердяев Н.* Судьба России. М. : Филос. общ-во СССР, 1990. 240 с.
- Волобуев П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М. : Политиздат, 1987. 312 с.
- Гвоздецкий В.* План ГОЭЛРО : Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.
- Глазачев В. Л.* Город без границ. М. : Территория будущего, 2011. 400 с.
- Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года : стенограф. отчет. М. : Изд-во полит. лит., 1968. 904 с.
- Егоров К. Д.* Районирование СССР : Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 годы. М.; Л. : Плановое хозяйство, 1926. 308 с.
- Карр Э.* История Советской России : в 14 т. Т. 1. Большевицкая революция 1917–1923. М. : Прогресс, 1990. 766 с.
- Красовицкая Т. Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х гг. М. : ИРИ РАН, 1998. 414 с.
- Кржижановский Г. М.* Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии (Госплана). М. : 39-я тип. МГСНХ, 1921. 112 с.
- Ласки М.* Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление / под ред. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 170–209.
- Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии : От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.
- Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы : Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 339 с.
- Ленин В. И.* X Всероссийская конференция РКП(б) 2–28 мая 1921 г. : Речь при закрытии конференции 28 мая // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 43. С. 340–341.
- Ленин В. И.* О манифесте «Союза армянских социал-демократов» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1967. Т. 7. С. 102–106.
- Ленин В. И.* Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 36. С. 127–164.
- Ленин В. И.* Пролетарски-революционная постановка вопроса о самоопределении наций // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 27. С. 256–257.
- Леонов С. В.* Рождение советской империи: государство и идеология. М. : Диалог-МГУ, 1997. 356 с.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М. : Мысль, 1991. С. 21–186.
- Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция (1919–1943). М. : Центрполиграф, 2008. 352 с.
- Мангейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление / под ред. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 113–169.

Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 7–544.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 30 ноября 1867 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1963. Т. 31. С. 336–339.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. М. : Изд-во полит. лит., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Мартин Т. «Империя положительной деятельности» : Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 664 с.

Нежинский Л. Н. Идея «мировой революции» и внешняя политика Советского государства в 1917–1921 годах // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. : Поиски новых подходов / отв. ред. Л. Н. Нежинский. М. : Междунар. отношения, 1992. С. 8–62.

Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / под ред. В. Л. Бабурина. М. : ЛЕНАНД, 2006. 400 с.

Пискунова Л. П., Старостова Л. Э. «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. 2015. № 4 (146). С. 40–52.

Поннер К. Ницета историцизма. М. : Прогресс, 1993. 186 с.

Развитие электроэнергетики России в 1917–1940 гг. // Electrolibrary.info : электрон. электротехнич. библиотека. URL: <http://www.electrolibrary.info/history/energetika.htm> (дата обращения: 25.08.2016).

Сабсович Л. М. Социалистические города. М. : Моск. рабочий, 1930. 124 с.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. СПб. : Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. 751 с.

Сироткин В. Г. Рижский мир // Международная жизнь. 1988. № 8. С. 128–143.

Соловьевский С. В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // Демоскоп Weekly : электронная версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (дата обращения: 19.08.2016).

Соловьева Т. В. План ГОЭЛРО и административно-территориальное устройство Урала в 1920-е гг. // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений, Екатеринбург, 20–21 апр. 2006 г. : в 2 т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Т. 1. С. 204–210.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1954. Т. 2. С. 290–367.

Уэллс Г. Россия во мгле. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/59157/6/Uells_-_Rossiya_vo_mgle.html (дата обращения: 28.08.2016).

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки : Проблемы города будущего. М. : Наука, 1980. 374 с.

Чеботарева В. Г. Наркомнац СССР : свет и тени национальной политики. 1917–1924. М. : Общ. акад. наук российских немцев, 2003. 852 с.

Черткова Е. Г. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. 1993. С. 81–91.

Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928). СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 399 с.

Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России и капиталистический мир: от революционного «западничества» к национал-большевизму. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 359 с.

Эшаде М. Аспекты мифа. М. : Академ. проект, 2010. 251 с.

Coopersmith J. Soviet Electrification : The Roads Not Taken // IEEE Technology and Society Magazine. 1993. № 12 (2), pp. 13–20.

Hanson S. E. Time and Revolution : Marxism and the Design of Soviet Institutions. Chapel Hill ; L. : Univ. of North Carolina Press, 1997. XV + 258 p.

Hirsch F. State and Evolution : Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924 // Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930 /

eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2007, pp. 139–168.

Hirsch F. *Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities* // *The Russian Rev.* 2000. № 59, pp. 201–226.

Kotkin S. *Magnetic Mountain : Stalinism as a Civilization*. Berkeley : Univ. of California Press, 1995. 639 p.

Seegel S. *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*, Chicago ; L. : Univ. of Chicago Press, 2012. 384 p.

Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Rev.* Vol. 53, no. 2 (Summer, 1994), pp. 414–452.

Stites R. *Utopias of Time, Space, And Life in The Russian Revolution* // *Rev. étud. Slaves*. Paris. № 1 (56). 1984, pp. 141–154.

Tagirova N. *Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century* // *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930* / eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2007, pp. 125–138.

References

Baburin, V. L. (Ed.) (2006). *Neizvestnye i maloizvestnye stranicy otechestvennogo rajonirovaniya* [Unknown and Little-known Pages of Domestic Zoning]. Moscow, LENAND. 400 p.

Baybakov, S. A. (1997). *Istoriya obrazovaniya SSSR: itogi i perspektivy izucheniya* [The History of Formation of the USSR: Research Results and Prospects]. Moscow, Dialog-MGU. 428 p.

Berdyaev, N. (1990). *Sud'ba Rossii* [The Destiny of Russia]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR. 240 p.

Carr, E. H. (1950). *The Bolshevik Revolution, 1917–1923*, Vol. 1–2 (History of Soviet Russia), L., Macmillan, 1950. 430 p.

Coopersmith, J. (1993). *Soviet Electrification : The Roads Not Taken*. In *IEEE Technology and Society Magazine*, Iss. 12 (2), pp. 13–20.

Dvenadcatyj s'ezd RKP (b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskij otchet [Twelfth Congress of the RCP(b). April 17–25, 1923. Verbatim Record] (1968). Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 904 p.

Egorov, K. D. (1926). *Rajonirovanie SSSR. Sbornik materialov po rajonirovaniyu s 1917 po 1925 gody* [Zoning of the USSR. A Collection of Materials on Zoning between 1917 and 1925]. Moscow, Leningrad, Planovoe hozyajstvo. 308 p.

Eliade, M. (1963). *Myth and Reality*. NY, Evanston, Harper & Row. 204 p.

Glazychev, V. L. (2011). *Gorod bez granic* [A City without Borders]. Moscow, Territoriya budushchego. 400 p.

Gvozdetskiy, V. (2001). *Plan GOELRO. Mify i real'nost'* [GOELRO Plan. Myths and Reality]. In *Nauka i zhizn'*, Iss. 5, pp. 102–109.

Hanson, S. E. (1997). *Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Institutions*, Chapel Hill and London: Univ of North Carolina Press. XV + 258 p.

Hirsch, F. (2000). *Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities*. In *The Russian Rev.*, Iss. 59, pp. 201–226.

Hirsch, F. (2007). *State and Evolution: Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924*. In: Burbank, J., Von Hagen, M., Remnev, A. (Eds.), *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington and Indianapolis, Indiana Univ. Press, pp. 139–168.

Khazanova, V. Eh. (1980). *Sovetskaya arhitektura pervoj pyatiletki: Problemy goroda budushchego* [The Soviet Architecture of the First Five-year Plan: Issues of the City of the Future]. Moscow, Nauka. 374 p.

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, Univ. of California Press. 639 p.

Krasovitskaya, T. Yu. (1998). *Modernizaciya Rossii: nacional'no-kul'turnaya politika 20-h gg.* [Modernisation of Russia: National and Cultural Policy of the 1920s]. Moscow, IRI RAN, 1998. 414 p.

Krzhizhanovsky, G. M. (1921). *Hozyajstvennye problemy RSFSR i raboty gosudarstvennoj obshcheplanoj komissii (Gosplana)* [Economic Problems of the RSFSR and Work of the State Planning Committee]. Moscow, 39 tipografiya MGSNH. 112 p.

Lasky, Melvin J. (1976). *Utopia and Revolution*. Chicago, L., The Univ. of Chicago Press, 1976. 726 p.

Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From Military Communism to Great Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 488 p.

Lebina, N. B., Chistikov, A. N. (2003). *Obyvatel' i reformy: Kartiny povsednevnogo zhizni gorozhan v gody nehpa i hrushchevskogo desyatiletija* [The Average Citizen and Reforms: Pictures of Everyday Life of Citizens during the New Economic Policy and the Khrushchev Decade]. St Petersburg: Dmitry Bulanin, 339 p.

Lenin, V. I. (1970). X Vserossijskaya konferenciya RKP(b) 2–28 maya 1921 g. Rech' pri zakrytii konferencii 28 maya [All-Russian conference of RCP(b) on May 2–28, 1921. A Closing Speech, May 28]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th edition. Vol. 43. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 340–341.

Lenin, V. I. (1967). O manifeste 'Soyuza armyanskih social-demokratov' [On the Manifesto of "The union of Armenian Social Democrats"]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th ed. Vol. 7. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 102–106.

Lenin, V. I. (1969). Proletarski-revolucionnaya postanovka voprosa o samoopredelenii nacij [Proletarian Revolutionary Posing of the Question of Self-determination of Nations]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th ed. Vol. 27. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 256–257.

Lenin, V. I. (1974). Pervonachal'nyj variant stat'i 'Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti' [The Original Version of the Article *Immediate Tasks of Soviet Power*]. In: Lenin, V. I. *Collected works*. 5th ed. Vol. 36. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 127–164.

Leonov, S. V. (1997). *Rozhdenie sovetskoj imperii: gosudarstvo i ideologiya* [The Birth of the Soviet Empire: State and Ideology]. Moscow, Dialog-MGU. 356 p.

Losev, A. F. (1991). Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. In: Losev, A. F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura*. Moscow, Mysl', pp. 21–186.

Mannheim, C. (1954). *Ideology and Utopia. An Introduction to the Sociology of Knowledge*. NY, L., Harcourt, Brace, Routledge and Kegan Paul. 318 p.

Martin, T. D. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, : Cornell Univ. Press. 496 p.

Marx, K. (1955). Nemeckaya ideologiya [The German Ideology]. In: Marx, K. and F. Engels. *Works*. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 7–544.

Marx, K. (1963). Pis'mo F. Engel'su ot 30 noyabrya 1867 g. [A Letter to F. Engels of November 30, 1867]. In: Marx, K. and F. Engels. *Works*. 2nd edition. Vol. 31. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 336–339.

Marx, K. and Engels, F. (1955). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx, K. and F. Engels. *Works*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 419–459.

McKenzie, Kermit E. (1964). *Comintern and World Revolution, 1928–1943: The Shaping of Doctrine*. L., NY., Columbia Univ. Press. 368 p.

Nezhinsky, L. N. (1992). Ideya 'mirovoj revolyucii' i vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1917–1921 godah [The Idea of a "World Revolution" and the Foreign Policy of the Soviet State between 1917 and 1921]. In: Nezhinsky, L. N. (Ed.). *Sovetskaya vneshnyaya politika, 1917–1945 gg. Poiski novyh podhodov*. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniya, pp. 8–62.

Piskunova, L. P., Starostova, L. E. (2015). 'Gorodok chekistov' goroda Ekaterinburga: voploshchenie i transformaciya utopii v povsednevnyh praktikah sovetskoj ehlihty [“The Town of Security Officers” in Yekaterinburg: The Embodiment and Transformation of a Utopia in the Daily Activity of the Soviet Elite], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki*. Iss. 4 (146), pp. 40–52.

- Popper, K. (2004). *The Poverty of Historicism*. L., NY., Routledge. 163 p.
- Razvitie ehlektroehnergetiki Rossii 1917–1940 gg. (n/a). [The Development of the Power Industry of Russia between 1917 and 1940]. In: *Ehlektronnaya ehlektrotekhnicheskaya biblioteka Electrolibrary.info*. URL: <http://www.electrolibrary.info/history/energetika.htm> (mode of access: 25.08.2016).
- Sabsovich, L. M. (1930). *Socialisticheskie goroda* [Socialist Cities]. Moscow, Moskovskij rabochij, 1930. 124 p.
- Savelyeva, I. M., Poletaev, A. V. (2003). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya*. V 2 t. T. 1. *Konstruirovaniye proshlogo* [Knowledge of the Past: Theory and History. 2 Vols. Vol. 1. Reconstructing the Past.]. St Petersburg, Nauka. 751 p.
- Seegel, S. (2012). *Mapping Europe's Borderlands: Russian Cartography in the Age of Empire*, Chicago, L., Univ. of Chicago Press. 384 p.
- Shishkin, V. A. (1997). *Vlast'. Politika. EHkonomika: poslerevolucionnaya Rossiya (1917–1928)* [Power. Politics. Economy: Post-revolutionary Russia (1917–1928)]. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 399 p.
- Shishkin, V. A. (2002). *Stanovlenie vneshnej politiki poslerevolucionnoj Rossii i kapitalisticheskij mir: ot revolyucionnogo "zapadnichestva" k nacional-bol'shevizmu* [The Formation of the Foreign Policy of Post-revolutionary Russia and the Capitalist World: From Revolutionary "Westernism" to National Bolshevism]. St Petersburg, Dmitri Bulanin. 359 p.
- Sirotkin, V. G. (1998). Rizhskij mir [Peace of Riga], *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Iss. 8, pp. 128–143.
- Slezkine, Yu. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. In *Slavic Rev.* Iss. 53 (2), pp. 414–452.
- Sokolovsky, S. V. (n/a). Ehtnicheskaya identichnost' v perepisyah naseleniya: klassifikaci-onnye principy i podhody [Ethnic Identity in Population Censuses: Classification Principles and Approaches]. In: *Demoskop Weekly*. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (mode of access: 19.08.2016).
- Solovyova, T. V. (2006). Plan GOELRO i administrativno-territorial'noe ustrojstvo Urala v 1920-e gg. [The GOELRO Plan and the Administrative and Territorial Structure of the Urals in the 1920s]. In: *Shestyatishchevskie chteniya: tezisy dokladov i soobshchenij*, Yekaterinburg, 20–21 Apr. 2006. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 1, pp. 204–210.
- Stalin, I. V. (1954). Marksizm i nacional'nyj vopros [Marxism and the National Question]. In: Stalin, I. V. *Works*. Vol. 2. Moscow, OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 290–367.
- Stites, R. (1984). Utopias of Time, Space, and Life in the Russian Revolution. *Rev. Étud. slaves*, Paris, LVI/1, pp. 141–154.
- Tagirova, N. (2007). Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century. In: Burbank, J., Von Hagen, M. and A. Remnev (Eds.). *Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930*. Bloomington and Indianapolis, Indiana Univ. Press, pp. 125–138.
- Tchebotareva, V. G. (2003). *Narkomnac SSSR: svet i teni nacional'noj politiki. 1917–1924*. [Narkomnats of the USSR: The Chiaroscuro of National Politics. 1917–1924] Moscow, Obshch. akad. nauk rossijskikh nemcev. 852 p.
- Tchertkova, E. G. (1993). Utopiya kak tip soznaniya [Utopia as a Consciousness Type], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. Iss. 3, pp. 81–91.
- Volobuev, P. V. (1987). *Vybor putej obshchestvennogo razvitiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [The Choice of Ways of Social Development: Theory, History, Modernity]. Moscow, Politizdat. 312 p.
- Wells, H. G. (1921). *Russia in the Shadows*. A Project Gutenberg of Australia eBook. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks06/0602371.txt> (mode of access: 07.11.2016).

The article was submitted on 11.02.2017